

Г. Адамович

Чистилище

Стихи

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г11

Г11 **Г. Адамович**
Чистилище: Стихи / Г. Адамович – М.: Книга по Требованию, 2015. – 94 с.

ISBN 978-5-517-99084-6

ISBN 978-5-517-99084-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

ПАМЯТИ
АНДРЕЯ ШЕНЬЕ

Звенели, пели. Грязное сукно,
И свечи тают. «Ваша тройка бита.
Позвольте красненькую. За напиток
Не беспокойтесь». И опять вино,

И снова звон. Ложится синий дым.
Все тонет—золото, окно и люди,
И белый снег. По улицам ночным
Пойдем, мой друг, и этот дом забудем.

И мы выходим. Только я один,
И ветер воет, пароходы вторят.
Нет, я не Байрон, и не арлекин,
Что делать мне с тобою, сердце—море?

Пойдем, пойдем... Ни денег, ни вина.
Ты видишь небо, и метель, и трубы?
Ты Музу видишь, и уже она
Оледенелые целует губы.

Где ты теперь? За утесами плещет море,
По заливам льдины плывут,
И проходят суда с трехцветным широким флагом
На шестом этаже, у дрожащего телефона
Человек говорит: «Мария, я вас любил».
Пролетают кареты. Автомобили
За ними гудят. Зажигаются фонари.
Продрогшая девочка бьется продать спички.

Где ты теперь? На стотысячезвездном небе
Миллионом лучей белеет Млечный путь,
И далеко, у глухогудящих сосен, луною
Озаряемая, в лесу, века и века
Угрюмо шумит Ниагара.

Где ты теперь? Пль мой голос уже, быть может
Без надежд над землей и ответа лететь обречен
И остались в мире лишь волны,
Дробь звонков, корабли, фонари, нпшета, луна
водопады?

1920

По широким мостам... Но ведь мы все равно не
успеем,
Эта вьюга мешает, ведь мы заблудились в пути
По безлюдным мостам, по широким и черным
аллеям
Добежать хоть к рассвету, и остановить, и спасти.

Просыпаясь дымит и вздыхает тревожно столица.
Рестораны распахнуты. Стынет дыханье в груди,
Отчего нам так страшно? Иль может быть все
это снится,
Ничего нет в прошедшем, и нет ничего впереди?

Море близко. Светает. Шаги уже меряют где то,
Но как скошены ноги, я больше бежать не могу
О еще 6 хоть минуточку! И щелкнул курок писто-
лета,
Все погибло, все кончено... Видеешь ты, — кровь
на снегу.

Тишина. Тишина. Поднимается солнце. Ни слова.
Тридцать градусов холода. Тускло сияет гранит.
И под черным вуалем у гроба стоит Гончарова,
Улыбается жалко и вдаль равнодушно глядит.

1921

ВОРОБЬЕВЫ ГОРЫ

Звенит гармоника. Летят качели.
«Не шей мне, мать, красный сарафан»
Я не хочу вина. И так я пьян.
Я песню слушаю под тенью ели.

Я вижу город в голубой купели,
Там белый Кремль — замоскворецкий стан,
Дым, колокольни, стены, царь-Иван,
Да розы и чахотка на панели.

Мне грустно, друг. Поговори со мной.
В твоей России холодно весной,
Твоя лазурь стирается и вянет.

Лежит Москва. И смертная печаль
Здесь семячки лущит, да песню тянет,
И плечи кутает в цветную шаль,

1917

Тогда от Балтийского моря
Мы медленно отступали
По размытым полям... Звезды
Еще высоко горели,
Еще мы победы ждали
Над императором немецким,
И холодный сентябрьский ветер
Звенел в телеграфных нитях
И глухо под тополями
Еще шелестел листвою.
Ночь. Зеленые ракеты
То взлетали, то гасли в небе,
Лай надтреснутый доносился
Из-за лагеря, и под скатом
Робко вспыхивала спичка.
Тогда — еще и донине
Мне виден луч синеватый, —
Из мглы, по рядам пробираясь,
Между смолкнувших пулеметов,
Меж еще веселых солдат,

Сытых, да вспоминающих
Петербургские кабаки,
Пришла, не знаю откуда,
Царица неба — Венера
Не полярным снегом одета,
Не пеной Архипелага,
Пришла и прозрачною тенью
У белой березы стала.
Точно сон глубокий спустился
Покровом звездным. Полусловом
Речь оборвалась, тяжелея
Руки застыли... Лишь далекий
Звон долетел и замер. Тихо
Я спросил ее: «царица,
Ты зачем посетила лагерь?»
Но безмолвно она глядела
За холм, и мне показалось,
Что вестницы смерти смотрят
Так на воинов обреченных,
И что так же она смотрела
На южное, тесное поле,
Когда грудь земли пылала
Златокованными щитами,
Гул гортанного рева несся,
Паруса кораблей взлетали,
И вдали голубое море
У подножия Трои билось!

О мертвом царевиче Дмитрии
И о матери его, о стрельцами
Зарезанных в Кремле, быть может
О разбойнике на большой дороге
Убитом в драке, о солдате
Забытом в поле, и даже
О тех, кто ветреной ночью
Цеплялись за мерзлые канаты
Тонущей «Лузитании»
И уже онемев смотрели
На темное, жадное море,
Каждое утро и каждый вечер,
И ночью, привстав на кровати,
Кто-нибудь умоляет Бога
Прощение дать и блаженство.

Помяни же и человека,
Который в Угличе не был,
Убийц не просил о пощаде,
И плеска Марны не слышал,